

ПРОХОРОВ В.Ф.

*(Институт коммуникативных технологий, г. Москва)***К ВОПРОСУ О РЕЛИКТОВОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ**

The article elaborates on the nature of relict word formation and sets up the framework for further research.

Key words: *word formation, language, English, Latin, prefix, comparative philology.*

В последнее время лингвисты все реже обращаются к проблемам теории словообразования. Действительно, ее основные положения представляются достаточно разработанными, что дает простор прикладным описаниям в различных сферах терминологии, неологии и пр.

Известно, что теория словообразования достаточно продолжительное время оперирует такими базисными категориями, как префиксация, суффиксация, основосложение и различного типа семантические трансформации, представленные Г.Паулем в известной «Истории языка». Именно эти категории составляют основу лексикографических изысканий. К сожалению, из поля зрения лингвистов выпадает этимологический аспект, на котором может базироваться теория реликтового словообразования, о которой пойдет речь ниже.

Прежде, чем обратиться к ее содержанию, следует припомнить интересное воззрение В. И. Абаева, который писал: «Быть может историю человечества надо начинать не с появления первого каменного орудия или первого глиняного горшка, а с того времени, когда сношения между человеческими группами, или, пользуясь выражением Герцена, и «трение друг об друга» стало регулярным явлением и наложило определенный отпечаток на жизнь первобытного общества, на психику и поведение первобытных людей... Слово, как символ коллектива, теряет всякий смысл, если оно не противопоставляется другому символу другого коллектива. В одной, отдельно взятой изолированной человеческой общине речь не могла зародиться, какого бы прогресса она (община) ни достигла в других отношениях. Слово могло родиться только в контакте двух человеческих групп, как огонь высекается столкновением двух кремней». Начальная человеческая речь — это «набор социоразличительных средств, т. е. знаков, служивших для различения одного коллектива от другого». «Противопоставление "мы" и "не-мы", будучи первой социальной классификацией, было и первой лексико-семантической оппозицией» [Федотова 2003, с. 10-11].

Несколько спорно утверждение о том, что «слово могло родиться только в контакте двух человеческих групп», поскольку язык выполняет множество функций. Но социоразличительная крайне важна. Эта функция обеспечивает уникальное этническое развитие языка по всем параметрам. Она же обуславливает стабильность системы, противодействие массовому

проникновению в нее иноязычных элементов. Можно, правда, сослаться на широкое проникновение англоязычной экономической и информатизационной терминологии в лексику русского языка, пытаясь объяснить этот феномен общими процессами глобализации. Однако это возражение не имеет твердой основы. Все объясняется лишь отсутствием четкой языковой политики. Не случайно в русском языке абсолютно безосновательно на уровне нормы изменяется род существительных (имеется в виду *кофе* и пр.), принимается английское *файф-о-клок* в значении «полдник» (ср.: Дети остались без *файф-о-клока*). В то же время французы, тщательно оберегая свой язык и препятствуя ненужным заимствованиям, попросту перевели всю информатизационную терминологию.

Однако взаимодействие языков все же проявляется в лексических заимствованиях, калькировании и пр. Особым проявлением этого взаимодействия представляется реликтовое словообразование. Особенно показательным оно в системе германских языков, в первую очередь – английского. Под реликтовым словообразованием понимается образование новых слов с использованием словообразовательных элементов «мертвого языка» – латыни, по сути, являющихся реликтами не существующей более системы.

В современном английском языке отмечается огромное количество лексики романского происхождения, восходящей к латыни. Этому способствовали особые условия, достаточно известные из истории более раннего периода. При этом встречается корневая лексика, представляющая собой непосредственные романские заимствования (ср.: *verdict*, *verb* и др.), и производная с участием романских корней и словообразовательных элементов (ср.: *a cap(p)ella* [ˌжкəˈpela]; *hilarious* [hiˈleɪəs] «веселый» – *exhilarated* [ɪgˈzɪl(ə)reɪtɪd] «веселый»). Но наиболее интересна производная на основе аффикса романского происхождения и исконного (в данном случае – германского) корня. Примеров этому более чем достаточно.

Можно обратиться в этом смысле хотя бы к английскому глаголу *employ* [ɪmˈplɔɪ] – 1. «держат на службе; иметь в штате»; 2. «предоставлять работу; нанимать». С помощью префикса романского происхождения *re-* образуется новая лексема с иным грамматическим значением и дополнительной семантикой: *re-employment* «повторный прием на работу».

Последний пример дает широкий простор для изучения внутриязыковой лексико-грамматической транспозиции. Однако прежде всего следует тщательно выделить реликтовые словообразовательные элементы, круг которых не отличается особой широтой. Пожалуй, в английском, немецком, русском и других языках представлены *anti-*, *re-*, *ex-* и др.

Надо заметить, что реликтовое словообразование имеет место помимо германских языков и в системе иных индоевропейских. Однако здесь доминирующее положение занимают заимствованные романские производные. В чистом же виде проявление реликтовой модели, к примеру, в русском языке представлено весьма незначительно. Как правило, эта модель порождает лишь

окказиональную лексику (ср.: *интердевочка*). Это обстоятельство позволяет наметить в рамках теории реликтового словообразования одним из направлений компаративные исследования. При этом широкое поле деятельности предоставляется лингвистической статистике.

Модель реликтового словообразования (повторим – сочетание исконного корня с латинским аффиксом) интересна для общей теории языка. В чем же заключается интерес? Дело в том, что на место латыни в системе индоевропейских языков имеются два диаметрально противоположных воззрения. Согласно одной точки зрения, латинский язык является полноправным членом индоевропейской семьи. По другой версии – не входит в нее. В работе [Прохоров 1998] автор отметил, что латинские заимствования не входят в семантическую структуру генетического референта синонимического гнезда немецкой и русской глагольной лексики, что свидетельствует в пользу второй точки зрения. Следует полагать, что прикладные исследования реликтового словообразования могли бы внести свой вклад в решение этой проблемы.

Рассматривая функционирование основных словообразовательных реликтов, необходимо отметить, что в английском языке *anti-*, *re-* графически соединяются с исконной корневой лексемой посредством дефиса, а суффикс *ex(-)* может быть написан отдельно, либо с дефисом. Не является ли такой прием графического оформления показателем «неприятя» английским, относящимся бесспорно к группе индоевропейских языков, элементов языка неиндоевропейской семьи? Правда, следует сказать, что в английском словообразовании даже в области терминологии малопродуктивно основосложение с общепринятым графическим оформлением (ср.: *comparative philology*). Является ли это предпосылкой особой графики реликтов, либо следствием их «вторжения» – пока загадка гипотетического характера.

Литература

Прохоров В.Ф. Этимология синонимии глагольной лексики в русском и немецком языках: Автореф. дисс....докт. филол.наук. – М., 1998 – 35 с.
Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. — СПб.: Питер, 2003. – 400 с.